
Юлия Кокшарова
Голоса,
или
Память воды
Книга вторая

Юлия Кокшарова

Голоса, или Память воды

«Автор»
2026

Кокшарова Ю.

Голоса, или Память воды / Ю. Кокшарова — «Автор», 2026

После разрушительного шторма жизнь на хуторе «Утешение» постепенно возвращается в привычное русло. Но Чудское озеро не спешит расставаться со своими тайнами.Прошлое всё настойчивее напоминает о себе. Странные голоса, неожиданные находки и события, которым трудно найти объяснение, заставляют героев искать ответы далеко за пределами знакомого мира.Что связывает людей, разделённых столетиями? Почему вода хранит то, что давно исчезло из человеческой памяти? И какую цену придётся заплатить тем, кто решится приблизиться к разгадке?«Голоса, или Память воды» — вторая книга трилогии Юлии Кокшаровой «Они не плачут. Они слушают». История о любви, верности, памяти поколений и прошлом, которое продолжает жить рядом с настоящим.

© Кокшарова Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I. СВОЯ ЖИЗНЬ 5
Глава 1. После шторма 5
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Юлия Кокшарова
Голоса, или Память воды

ЧАСТЬ I. СВОЯ ЖИЗНЬ

Глава 1. После шторма

После шторма прошло больше года. Хутор успел залечить почти всё, что можно было починить руками. Чуть дальше по берегу построили новый причал. Лодки снова уходили на воду затемно и возвращались к полудню с ряпушкой. На домах заменили сорванные доски, поправили крыши, весной заново укрепили берег. Там, где вода вырвала кусты вместе с корнями, уже поднялась молодая трава.

О шторме вспоминали всё реже, и хутор понемногу возвращался к своим заботам. Елисей тоже учился жить дальше, хотя тот день напоминал о себе всякий раз, когда он пытался встать.

Поначалу врачи осторожно говорили об улучшении, но со временем перестали давать обещания. Ногу удалось спасти, однако опираться на неё Елисей по-прежнему не мог. С чужой помощью он ненадолго поднимался, а сделать шаг не получалось.

Елисей научился сам пересаживаться с кровати в кресло, ловко управлялся с колёсами, сердился, когда Дарина пыталась подать ему пальто, и не позволял толкать кресло там, где мог справиться без помощи. Иногда он шутил, иногда на весь день замыкался в себе. Тяжелее всего давались утренние часы, когда после сна нога казалась чужой. Елисей заставлял её согнуться, подняться, сделать хоть что-нибудь, пока от напряжения не начинали дрожать руки. Потом требовал принести бумаги и возвращался к записям, сделанным ещё до шторма. Дарина знала, как лучше уложить больную ногу, но не всегда понимала, почему безобидный вопрос о работе мог испортить ему весь вечер. Даже привычная работа теперь раздражала его, особенно когда не удавалось найти ответ на давно мучивший вопрос.

Мирослава училась на шестом курсе медицинского университета в Пскове. До диплома оставался последний учебный год, затем предстояло ещё учиться хирургии. После шторма она приезжала в хутор при всякой возможности. Её тревожило состояние Елисея, и с каждым приездом всё яснее становилось, что родному берегу нужна постоянная медицинская помощь, а не одна только её решимость.

За год на окраине хутора выросло небольшое больничное здание. Строили сообща, а с оборудованием и подбором сотрудников помогли в Пскове. В больнице появились палаты, перевязочная, лаборатория и небольшая операционная. Здесь постоянно работали фельдшер и две медсестры. Медицинскую работу возглавил Аркадий Павлович Сердечный, опытный хирург, который приехал из города сначала на несколько недель, а потом решил остаться. Теперь в хуторе его всё чаще звали доктором Палычем, хотя сама Мирослава неизменно обращалась к нему по имени и отчеству.

Аркадию Павловичу было пятьдесят три года. Он не любил объяснять, почему отказался от большой городской больницы, и не терпел разговоров о собственном благородстве.

В Причудье его ждали пациенты, которым помощь требовалась здесь, а не за десятки километров от дома. И Аркадий Павлович решил остаться.

Мирослава помогала в больнице во время каникул и лишь в пределах допуска, полученного после необходимой подготовки. Сердечный требовал от неё точности не меньше, чем от остальных сотрудников, и не позволял принимать самостоятельные врачебные решения.

Она спорила с ним, порой обижалась, но постепенно начинала понимать, как многому ей ещё предстоит научиться.

Однажды, когда Мирослава собиралась обратно в Псков, Тихон остановил её у двери.

— Значит, всё-таки вернёшься сюда после учёбы?

— Вернусь. Только сначала университет закончу, потом ординатуру.

— А пока?

Мирослава поправила ремень сумки и улыбнулась отцу.

— Пока я буду приезжать и учиться у Аркадия Павловича. Я ведь ещё не хирург, пап.

— Знаю, дочь. И ждать я умею.

Тихон проводил её до калитки. Впервые за долгое время мысль о будущем не требовала от него немедленного ответа.

За этот год Мирон успел завершить свою инженерную программу по согласованному ускоренному учебному плану. Он вернулся в хутор, участвовал в строительстве нового причала и дороги, помогал возводить чужие дома, а вечерами всё чаще доставал чертёж собственного дома, который подправлял и дорабатывал.

Вскоре после шторма Кира вернулась в Псков, и с тех пор их встречи зависели от её приездов в хутор. Она оставляла сумку возле лестницы, сигареты в кармане куртки, свои пометки на его чертежах, а потом снова собирала вещи.

Мирон провожал её к автобусу и с каждым отъездом всё острее чувствовал, как мало им достаётся времени вдвоём. Прежде ему хватало знать, что она вернётся, теперь хотелось дождаться утра, после которого не придётся снова считать дни до её приезда.

Варя жила здесь с детства, и встречи с ней не зависели от автобусного расписания. За этот год Мирон привык делиться с ней тем, о чём уже не успевал рассказать Кире за её короткие приезды.

Лука продолжал играть в карты и после каждой проигранной партии клялся, что следующая станет последней. Мирослава пила слишком много кофе и читала ему нотации. Дарина научилась не помогать Елисею прежде, чем он попросит сам, и именно это оказалось для неё труднее всего.

Тихон по-прежнему считал, что к врачу следует обращаться только тогда, когда человек уже не способен самостоятельно от него убежать. Жизнь постепенно возвращалась в привычное русло, хотя прежней её уже никто не назвал бы. Хутор жил своими заботами, люди строили, лечили, рыбачили, ссорились и мирились, а озеро ничем не напоминало о том дне.

Обещанный отцу разговор состоялся вскоре после шторма, когда Мирослава вернулась из больницы, где оставили Елисея. В доме ещё пахло мокрой одеждой. Тихон разлил чай, а Мирон положил на стол часы, на которые весь день поглядывал.

— Помнишь, я обещал рассказать о Пскове? — спросил Мирон.

— Помню. Я ждал вас обоих, — ответил Тихон и придвинул дочери чашку.

Мирослава рассказала, как они вышли из гостиничного номера, переступили порог и оказались там, где прошло несоизмеримо больше времени, чем в оставленном за дверью коридоре. Мирон поправлял её лишь там, где сам запомнил происходившее иначе. Они не смогли объяснить ни дорогу обратно, ни то, почему снаружи не прошло и минуты.

Тихон слушал до конца, не перебивая. Когда дети замолчали, он спросил, уверены ли они, что оба помнят одно и то же. Мирон подтвердил. Мирослава добавила несколько подробностей, которые брат упустил. Тихон слушал молча, не притрагиваясь к давно остывшему чаю.

— Ты знал, что такое бывает? — спросила Мирослава.

— Нет, — ответил Тихон. — Слышал в детстве рассказы, но за правду их поручиться не могу.

— И что теперь? — спросил Мирон.

— Теперь не будем делать вид, что этого не было. Только не станем объяснять чужими догадками то, чего сами не поняли.

С тех пор Тихон знал о псковской двери. Он не знал, почему она открылась перед близнецами и имеет ли отношение к тому, что произошло на озере. А Мирон и Мирослава больше не называли это своим тайным разговором. Они лишь редко к нему возвращались, опасаясь испортить память поспешным объяснением.

Среди волн больше не возникала полоса неподвижной воды. Не показывалась лодка без вёсел. Велимира тоже никто не видел.

Иногда Мирослава спрашивала себя, не закончилось ли всё вместе с тем штормом. Тихон выслушивал её и отвечал всегда одинаково.

— Вода никуда не торопится.

* * *

В то прохладное утро, ещё до приезда Киры, Елисей попросил Дарину отвезти его к озеру. За окном в мокрой после ночной росы траве уже шевелился ветер, а Дарина, услышав просьбу, оторвалась от книги.

— Куда именно?

— К старому причалу.

Дарина задержала палец между страницами.

Больше года он не приближался к старым сваям и почти не говорил о месте, где его нашли едва живым.

— Дарина, давай сейчас, пока я не передумал.

Она закрыла книгу, поднялась и взяла пальто.

— После озера заедем к Мирославе. Ночью нога опять болела.

Елисей поправил край одеяла, прикрывавшего колено.

— Сильно мешал спать?

— Сильно молчал.

По тому, как она это сказала, Елисей всё понял.

— Хорошо, заедем.

Дарина открыла дверь, и Елисей сам направил кресло к выходу. За этот год она наконец научилась не делать за него того, с чем он мог справиться сам. Поэтому сегодняшняя просьба о помощи значила для неё не меньше, чем его решение вернуться к старому причалу.

На улице Елисей задержался у крыльца. До озера было совсем недалеко. Раньше он прошёл бы это расстояние за несколько минут и даже не запомнил дороги. Теперь же замечал каждый участок, где колёса вязли в мягкой земле, начинался уклон или после дождя оставались глубокие колеи.

После шторма Мирон настоял, чтобы спуск сделали более пологим. Елисей тогда ругался три дня. Ему казалось, что весь хутор перестраивают вокруг его кресла и каждый новый метр ровной дороги напоминает ему о том, чего он лишился.

В первый раз, когда он всё-таки съехал по новому спуску к воде, спорить с Мироном уже не хотелось. Сегодня Дарина снова шла рядом, не касаясь кресла. На ровной дороге Елисей справлялся сам и замедлил ход лишь перед уклоном.

— Здесь помоги, пожалуйста.

Дарина молча взялась за ручки. Ещё несколько месяцев назад он скорее измучил бы себя, чем попросил. Теперь научился принимать помощь более спокойно. У самого берега Елисей остановил кресло.

— Дальше сам.

Дарина отпустила ручки, и Елисей направил кресло к траве возле уцелевшего настила.

Нового причала отсюда ещё не было видно. Из воды торчали потемневшие старые сваи, а у берега уцелел короткий настил, за которым доски когда-то смыло штормом. Елисей задержал

взгляд на обломанном крае, и Дарина не стала торопить его вопросами. Елисей старался не возвращаться к этому месту после шторма.

— Хочешь обратно? — спросила она.

— Нет.

Елисей подкатил ещё немного и придержал колёса. До воды оставалось всего несколько шагов, прежде слишком коротких, чтобы задумываться о расстоянии, а теперь почти недоступных.

— Знаешь, что самое мерзкое?

Дарина ждала.

— Я иногда забываю.

— О чём?

Он едва заметно повёл подбородком в сторону ног.

— Просыпаюсь и несколько секунд думаю, что сейчас встану. Просто спущу ноги с кровати и пойду. А потом вспоминаю.

Он провёл по потёртому ободу.

— Странно устроена голова. Тело уже знает, а она ещё нет.

— Елисей… Может, и хорошо, что какая-то часть тебя до сих пор помнит, как вставать.

— Не надо меня жалеть.

— Я не собиралась.

Елисей вновь повернулся к озеру.

— Тогда просто постой рядом.

Дарина встала рядом.

С озера тянул прохладный ветер, шевеля камыши и перебирая траву у берега. Когда он внезапно стих, умолкли и сороки, ещё минуту назад перекликавшиеся за домами. В наступившей тишине Елисей услышал собственное дыхание и поднял голову. Над ним оставалось ясное небо, без единого облака.

— Ты это чувствуешь?

Дарина оглянулась.

— Что?

— Тишину.

Вода на глазах потемнела. По гладкой поверхности одна за другой прошли две длинные полосы ряби, докатились до старых свай и исчезли. Там, где ещё секунду назад лежала тёмная вода, из глубины начал проступать свет.

Елисей подался вперёд.

— Дарина.

— Вижу.

Это не могло быть отражением. Свет поднимался из глубины, медленно складываясь в тонкую белую полосу, которая тянулась через озеро к берегу, прямо к старому причалу.

Дарина коснулась спинки кресла, но Елисей этого не заметил. Белая дорога дошла до старых свай, и на крайней вдруг показался человек.

Ещё мгновение назад крайняя свая пустовала, а теперь на ней сидел мужчина в тёмной одежде. Елисей не видел, откуда тот появился.

Расстояние не позволяло различить лицо, но Елисею хватило того, что он увидел почерневшие от ветра и воды руки. Он сразу узнал Велимира. Елисей вжался в кресло.

— Это же он, — тихо произнёс Елисей.

Дарина не ответила, а мужчина тем временем поднял голову. Елисей ждал, что тот окликнет их с воды, но голос прозвучал совсем рядом.

— Не всякая дорога дана ногам.

Голос звучал молодо, но в нём проступал знакомый Елисею старческий скрип.

Елисей побледнел и повернулся к Дарине.

— Ты тоже слышала?

Она склонила голову в знак согласия.

— Про дорогу.

Елисей снова обратился к воде.

— Что это значит? — крикнул Елисей.

Человек не ответил.

— Ты меня слышишь? — снова крикнул Елисей.

Елисей ударил рукой по колесу.

— Тогда зачем пришёл?

Мужчина медленно поднялся, и белая полоса над ним едва заметно дрогнула.

— Ты сам пришёл.

Елисей вспомнил их разговор у лодок. Тогда Велимир рассказал ему о каменном месте за мысом и объяснил, как туда добраться по берегу. Но Елисей выбрал воду. Ему хотелось поскорее оказаться там, найти хоть что-нибудь, что объяснило бы происхождение загадочного знака. Теперь, сидя в кресле, он впервые задался вопросом, что было бы, если бы тогда не поспешил.

— Для чего?

Велимир оставался на краю белой дороги, лицом к берегу.

— Узнаешь, когда перестанешь спрашивать воду о том, что она у тебя отняла.

— Она отняла у меня возможность ходить.

Велимир промолчал.

У Елисея напряглась шея. Больше года он терпел боль и чужую осторожность, а теперь даже здесь, над водой, ему предлагали отказаться от собственного вопроса и принять чьи-то условия.

— Или это тоже должно что-то значить? Мне теперь озеро благодарить?

Белая дорога дрогнула под ногами Велимира, когда он ступил со сваи на воду. Сделав ещё шаг, он приблизился настолько, что Елисей наконец различил его светлые, почти бесцветные глаза.

— Вода не просит благодарности. Она помнит.

Елисей хотел ответить, но не успел. С озера резко налетел ветер, зашумел камыш, к берегу побежала мелкая волна. Дарина зажмурилась, а когда открыла глаза, Велимира уже не было. Белая дорога исчезла вместе с ним. Елисей ещё несколько секунд не отводил глаз от пустой сваи.

— Ты его видела?

— Да.

— И слышала?

— Каждое слово.

Елисей откинулся на спинку кресла.

— Хорошо.

Дарина отошла немного в сторону.

— Что хорошего?

— Что я не сбрендил. Подойди ближе, дай обниму тебя.

Дарина приблизилась, и Елисей обхватил её тонкую талию, уткнувшись лицом в её живот. Она обняла его в ответ, но всё ещё не могла отвести глаз от места, где только что стоял Велимир.

Елисей не спешил отпускать её. Дарина наконец отвела глаза от озера и ласково коснулась его волос. Так они и оставались у старого причала, пока ветер вновь не зашелестел в камышах.

— Поедем домой? — тихо спросила она.

— Сначала к Тихону. Мне нужно с ним поговорить.

Дарина обошла кресло, собираясь помочь ему, но Елисей остановил её.

— Дальше я сам.

— А нога?

— Мирославе покажусь после. Обещаю. Только сейчас мне надо понять, что здесь случилось.

Дарина мельком сверилась с часами.

— До обеда я с тобой. Потом мне в библиотеку, я договорилась помочь с книгами.

— Успеем.

— Это не значит, что осмотр можно отменить.

— Я понял.

Елисей развернул кресло к дороге.

Дарина пошла рядом, однако через несколько метров Елисей снова остановил кресло.

— «Не всякая дорога дана ногам».

Елисей медленно повторил слова Велимира и опустил глаза к повреждённой ноге. Привычная насмешка исчезла с его лица.

— Он знал.

Дарина не нашла, что ответить. Елисей вновь повернул кресло к озеру. Вода выглядела совершенно обычной, и теперь эта безмятежность тревожила сильнее всего. На обратном подъёме колёса вязли в мокрой земле, руки горели от напряжения. Дарина несколько раз порывалась помочь, но Елисей упрямо продолжал подниматься сам.

У калитки он всё-таки остановился.

— Минуту.

— Конечно.

— Только не смотри на меня так.

— Как?

— Как на человека, который сейчас развалится.

— Я смотрю на человека, который мог позволить мне толкнуть кресло последние сто метров.

— Это другое.

— Чем?

— Тогда бы я развалился морально.

Дарина фыркнула.

— Дурак.

— Да ладно, а то ты не знала.

Елисей чуть наклонился к ней, возвращая их разговору привычную лёгкость.

— Вот теперь узнаю любимую женщину.

Дарина уже открыла рот для ответа, когда из-за дома её перебил голос Мирославы.

— Я вас слышу!

Елисей закрыл глаза.

— Ну конечно.

Из-за угла появилась Мирослава с двумя бумажными пакетами. Из-под расстёгнутого пальто виднелся белый халат, а выбившаяся прядь прилипла к щеке после быстрой ходьбы. Подойдя к Елисею и Дарине, она остановилась.

— Вы откуда и куда?

— Из библиотеки, — быстро ответил Елисей.

Дарина повернулась к нему.

— Серьёзно?

— А что?

— Ты решил соврать человеку, который знает, где находится библиотека?

— Я растерялся.

Мирослава поставила пакеты на лавку.

— У воды были?

Елисей вздохнул.

— Почему с вами невозможно?

— Потому что ты плохо врёшь.

— Это оскорбление.

— Это диагноз.

Он поднял палец.

— Вот. Опять.

— Что?

— Диагнозы вне работы.

— Я ещё не начала.

— И не начинай. Мы к Тихону.

Мирослава уже собиралась спросить Дарину, правда ли это, но та опередила её, утвердительно кивнув.

— Зачем?

Елисей стал серьёзным.

— Видел дорогу.

Мирослава замерла.

— Какую?

— Белую.

Один из пакетов накренился, и на лавку выкатилась банка кофе. Елисей успел подхватить её у самого края, но Мирослава даже не обратила внимания на свою покупку.

— Ты знаешь.

— Что именно ты видел?

— Сначала дорогу. Потом Велимира на старой свае.

Мирослава побледнела.

— Он говорил?

— Говорил.

— Что?

Елисей придерживал банку на колене, не давая Мирославе отвести разговор в сторону.

— «Не всякая дорога дана ногам».

Мирослава опустилась на лавку. Какое-то время никто не произнёс ни слова. Потом она обратилась к Дарине.

— Ты тоже?

— И видела, и слышала.

Мирослава поднялась.

— Зайдём в дом.

Елисей сразу развернул кресло к двери.

— Наконец-то.

— Чему ты радуешься?

— Тому, что хоть сегодня никто не собирается сначала осматривать мою ногу.

Мирослава забрала с его колен банку и уложила обратно в пакет.

— Не обольщайся.

— Я так и знал.

В доме никого не было.

— Тихон где? — спросил Елисей.

— С Лукой у сарая, — ответила Мирослава.

— А Мирон?

— За Кирой вроде собирался. Автобус после полудня.

— Значит, пока поболтаем без них.

Мирослава отступила от стола, освобождая ему место.

Елисей подъехал к столу. Дарина сняла пальто и повесила его у двери, Мирослава поставила чайник, а Елисей молча следил за её движениями.

— Кофе будешь? — спросил Елисей язвительно.

— Буду.

— Четвёртый?

Она резко повернулась.

— Откуда ты знаешь?

— Дарина.

— Я ничего ему не говорила.

Елисей указал на банку, выкатившуюся из пакета.

— Ты покупаешь её такими темпами, что скоро хутору понадобится отдельная дорога для подвоза кофе.

— Следи за собой.

— Вот. Снова.

Мирослава достала чашку, но пальцы у неё заметно дрожали. Уловив это, Елисей сразу посерьёзнел.

— Ты видела эту дорогу раньше.

Мирослава поставила чашку на стол.

— Видела полосу спокойной воды. Но она не светилась. — Когда?

— Во время шторма.

— Одна?

— С Мироном.

Когда Дарина присела за стол, Елисей придвинулся к ней поближе, подкатив своё кресло вплотную.

— И вы больше года молчали?

— Мы сами не понимали, что видели.

— Зато Тихон понимает.

— Не всё.

— Но знает точно уж больше нас.

Мирослава поставила чашку ближе к окну.

— Отец всегда знает больше, чем говорит.

— Очень семейная привычка.

— Елисей…

— Нет, хватит обходить стороной то, о чём я конкретно спрашиваю.

Он резко отодвинул чашку и вытер сам со стола выплеснувшийся чай, не дав Дарине дотянуться до тряпки.

— Я приехал сюда с вопросами ещё до того, как едва не утонул. Вы это помните? Больше года я слышу только о ноге, о покое, о том, что мне нельзя волноваться. Сегодня у причала появился человек, которого вы знаете, и я тоже знаю, но я опять должен ждать, пока вы решите, сколько мне можно рассказать?

Мирослава поставила чайник на подставку, убрав его подальше от Елисея.

— Нет.

— Хорошо.

— Но сначала ты должен услышать одну вещь. Мы сами не знаем, что это всё значит.

— Совсем?

— Совсем.

— А Велимир?

Мирослава повернулась к Дарине, но Елисей ответил прежде, чем та успела заговорить.

— Я его узнал, — ответил Елисей. — Руки, глаза те же. Но кто он на самом деле, я до сих пор так и не знаю. Мирослава прижала чашку к себе, хотя пить ещё не собиралась.

— Человек, которого в нашей семье видели задолго до нашего рождения.

— Насколько задолго?

— Настолько, что никто уже не знает, когда впервые.

Елисей даже не заметил, что пролитый чай всё ещё не высох на его коже.

— Он старик?

— Иногда.

— Что значит иногда?

— Его видели в разном возрасте. Иногда он появлялся молодым, иногда стариком, его встречали и рыбаком, и мальчиком или человеком в лодке.

— И вы считаете, что это один и тот же человек?

— Да.

— Почему?

— Его узнавали по глазам, почерневшим рукам и голосу.

Елисей вспомнил тёмные руки над водой.

— Что ещё?

Мирослава помедлила.

— Отец слышал о дороге от своих. Я помню не всё. Лучше спросим его вместе.

— Только без «тебе пока не надо знать».

— Без этого.

Дверь открылась, впуская Тихона и шедшего за ним Луку.

— Что за история, дочь, ты дома? — спросил Тихон.

Тихон остановился у стола, дожидаясь ответа, и только тогда заметил Елисея.

— А ты чего здесь?

— Приехал разрушить семейную традицию.

Тихон снял куртку.

— Какую?

— Молчать.

Тихон внимательно всмотрелся в лицо Елисея.

— Это не традиция, а просто иногда полезно.

— Сегодня не получится.

Тихон подошёл к столу.

— Почему?

Елисей подъехал ближе настолько, что Тихон вынужден был остановиться у кресла.

— Я видел Велимира.

Тихон замер, а Лука так и застыл у двери, не успев стянуть второй сапог.

— Кого? — переспросил он.

Тихон не повернулся к нему.

— Где?

— На озере.

— Когда?

— Сегодня.

— Ты один был?

— Дарина со мной.

Тихон посерьёзнел, внимательно вслушиваясь в слова. — Видела?

— Да.

— И дорогу тоже?

Теперь настала очередь Елисея удивиться.

— Значит, вы даже знаете, о какой дороге речь.

Тихон сел.

— Что он сказал?

— «Не всякая дорога дана ногам».

По выражению лица Тихона и его внезапной заминке Елисей понял, что всё не так-то просто.

— Вот именно. Он говорил обо мне.

— Не обязательно.

— А о ком ещё?

Тихон почесал затылок, а Лука всё ещё стоял у двери с одним снятым сапогом.

— Простите, я сейчас один ничего не понимаю?

Мирослава подняла на него глаза.

— Не один.

— Хорошо. Уже легче.

— Дорога до берега дошла? — спросил Тихон.

Елисей подался к нему, уловив в вопросе то, о чём прежде не подумал.

— До старых свай.

Тихон поднял глаза.

— А до тебя?

— Нет.

В его лице что-то едва заметно изменилось, и Мирослава сразу это уловила.

— Отец?

— Сегодня к воде никто не идёт, вот что я вам скажу.

Елисей рассмеялся без веселья.

— Поздновато.

— Я сказал, никто.

— Почему?

Тихон не отодвинулся от стола. Елисей тоже оставался на месте, не пытаясь направить кресло к двери.

— Потому что мы не знаем, что будет, если она дойдёт.

— И что это значит?

— Утром она остановилась у свай. Не хочу проверять, что случится вечером.

Разговор оборвался, и Лука наконец поставил на пол второй сапог. Разувшись, он прошёл с порога в комнату и устроился поближе к Мирославе.

— А Велимира спросить нельзя?

Из окна дома Бережниковых озера видно не было, но Тихон подумал именно о нём.

— Если появится, спросим. А пока к воде не ходите.

* * *

Автобус из Пскова пришёл после полудня, подняв над сухой дорогой лёгкую пыль. Мирон ждал у обочины. Кира вышла последней, поставила небольшую сумку на землю и почти сразу полезла в карман за сигаретами.

— Даже не поздороваешься?

Кира достала пачку и с лёгкой усмешкой повернулась к Мирону.

— Ну иди сюда скорее.

Мирон обнял Киру. Знакомый аромат её цветочных духов смешивался с табачным запахом, волосы щекотали щёку. Она привычно запрокинула голову, прижимаясь к нему. Он помнил её запах и каждое движение, но впервые не ощутил того нетерпения, с которым прежде ждал этих объятий.

Автобус скрылся за поворотом. Кира достала сигарету, прикрыла огонёк зажигалки от ветра, а Мирон молча поднял её сумку.

— Надолго?

— Пять дней.

Мирон замедлил шаг, перехватив ручку сумки.

— Ты говорила, что на неделю.

— Я говорила, что постараюсь.

Мирон кивнул. Кира затянулась и сразу заметила, как изменилось его лицо.

— Мирон, я только приехала.

— Знаю.

Мирон перехватил сумку поудобнее.

— Пойдём, отец ждёт.

Кира ничего не ответила, и они молча пошли к хутору. После шторма дорогу подняли, укрепили обочину, через низину проложили новый настил. Между деревьями уже виднелась крыша больницы, и возле развилки Кира замедлила шаг.

— Уже открыли?

— На прошлой неделе.

— Мирослава там?

— Где же ещё. Первые три дня почти не выходила оттуда. На четвёртый отец пригрозил принести ей кровать.

Кира оставила сигарету в губах и убрала зажигалку в карман.

— Принёс бы.

— Поэтому она пришла домой сама.

У развилки дорогу им перегородила сорока. Прошлась по земле, склонив голову набок, и улетать явно не собиралась.

— Наглая, — заметила Кира.

— Местная.

— Тогда понятно.

Сорока затрещала, с яблони ей ответила вторая, а следом подала голос и третья.

Кира подняла голову.

— У вас тут ничего не меняется. Сплетни разносятся раньше, чем человек успевает приехать.

— Сейчас Варя узнает.

— А она всё ещё здесь? — удивилась Кира.

— А куда ей деваться?

— Не знаю. Замуж, например.

Мирон поправил на плече ремень сумки.

— Не вышла.

— Никто не берёт?

Улыбка исчезла с его лица.

— Кира. Можно подумать, ты вышла.

— Это сейчас к чему?

— К тому, что не надо говорить о том, чего не знаешь, и о человеке, которого почти не знаешь.

— О, как защищаешь, — протянула Кира с насмешкой.

— Я не защищаю. Мне не нравится, когда ты говоришь о ней свысока.

Остаток дороги они прошли молча. Возле дома из-за сарая навстречу им выбежал Дымок, однако перед Кирой неожиданно остановился, принюхался и лишь потом радостно завилял хвостом. Она присела, потрепала его за ушами, а пёс довольно прижался к ней.

— Хоть один мужчина мне здесь рад.

— Не обольщайся. Он всем рад.

Кира хихикнула, и Мирону снова показалось, что между ними всё по-прежнему легко и привычно. Но когда она выпрямилась и поднесла сигарету к губам, это ощущение рассеялось. Мирон уже собирался пройти к дому, когда на крыльце появился Тихон.

— Приехала? — Он приобнял её. — Надолго в этот раз?

Кира стряхнула пепел подальше от крыльца.

— У вас это вместо приветствия?

— Нет. После приветствия.

— До воскресенья.

Тихон уже собирался вернуться в дом, но заметил, как помрачнел Мирон, и остановился.

— Не на меня смотри, — предупредил Мирон.

— А я и не на тебя.

— Именно на меня.

— Это тебе показалось, сынок.

Кира перевела взгляд с одного на другого.

— Я успела по вам соскучиться.

— Заходи, — сказал Тихон. — Ещё пожалеешь, что скучала.

Кира снова хихикнула и вошла в дом, а Мирон остался один на крыльце.

— Пять дней? — спросил Тихон.

— Пять.

— И что потом?

— Ничего.

Тихон присмотрелся к сыну.

— Тогда чего лицо такое кислое?

Мирон смахнул с рукава сухую травинку, так и не поворачиваясь к отцу.

— Ладно, сам разберёшься, я просто спросил.

Тихон подхватил сумку Киры и скрылся в доме. Мирон ещё немного постоял на крыльце, глядя на озеро. Раньше он считал часы до её приезда, а теперь впервые поймал себя на мысли, что думает о воскресенье.

* * *

К вечеру известие о белой дороге успело обойти почти весь хутор. После утреннего посещения берега Елисей и Дарина вернулись к своим делам, и никто из них не собирался рассказывать о случившемся посторонним. Однако к вечернему чаепитию у Тихона выяснилось, что шила в мешке не утаишь. Хуторяне уже вовсю судачили о необыкновенном явлении, дополняя услышанное собственными историями.

Кира тоже с любопытством прислушивалась к разговору, пытаясь понять, из-за чего поднялся такой переполох.

— Хотел бы я знать, кто у нас такой разговорчивый, — произнёс Тихон.

— На меня не смотрите, дядь Тихон, — поспешила откреститься Варя. — Лучше у Луки спросите.

— А что сразу Лука? — возмутился тот. — Я всего одному человеку рассказал.

— Кому? — поинтересовалась Мирослава.

— Егору Семёновичу.

— Лука! — не выдержала Варя.

— А что тут такого? Человек он пожилой. Я думал, дальше него новость не уйдёт.

Кира покрутила пальцем у виска, а Мирон наградил Луку дружеским подзатыльником.

— Удивительно, как хутор до сих пор существует, — сказал Тихон.

— Так потому и существует, что у нас тут ничего не скроешь, — невозмутимо ответил Лука.

После слов Луки в комнате стало тихо, и тут в саду затрещали сороки. Мирон ткнул приятеля в бок.

— Сестрички твои прилетели. Спрашивают, какие ещё новости ты не успел разболтать.

За столом дружно рассмеялись, а сороки расшумелись ещё сильнее, перекрикивая одна другую. Разговор о белой дороге так и остался незавершённым.

* * *

Ночью Мирослава проснулась от яркого света. Подойдя к окну, она увидела за тёмными крышами озеро, рассечённое тонкой белой полосой. На этот раз дорога тянулась гораздо дальше, чем утром, и Мирослава не могла отвести от неё глаз. Свет медленно дополз до берега и остановился. Во дворе хлопнула дверь. Мирослава накинула халат поверх ночной рубашки, вышла в коридор и заметила распахнутую дверь комнаты Мирона.

Кира спала, отвернувшись к стене. На стуле лежала её одежда, рядом стояла дорожная сумка, так и не разобранная до конца. Мирослава тихо прикрыла дверь и спустилась вниз. На кухне в окно ложился бледный свет с озера. Она нащупала сапоги, вышла во двор и огляделась. Мирона нигде не было.

— Вот же…

У старой яблони темнел чей-то силуэт. Мирослава остановилась у калитки, стараясь понять, кто стоит в саду.

— Варя?

Из темноты вышла Варя, плотнее запахивая на плечах кофту.

— Ты чего не спишь? — спросила Мирослава.

— Я первая хотела спросить у тебя.

Варя кивнула в сторону озера.

— Свет увидела.

Мирослава тоже заметила белую полосу, отчётливо проступавшую в темноте.

— Ты тоже?

— Такое трудно не увидеть.

— Мирон вышел.

Варя встрепенулась.

— Куда?

Мирослава уловила, как быстро прозвучал вопрос.

— Думаю, к воде.

Варя тут же пошла к калитке.

— Стой.

— Что?

— Я сама.

— Почему?

— Потому что отец велел держаться подальше от озера. — А тебе, значит, можно?

— Нет.

— Тогда пошли.

Мирослава хотела возразить, но передумала, и они вместе вышли на дорогу. Луна едва пробивалась сквозь облака над лесом, зато от воды шло холодноватое молочное сияние, делавшее ночь непривычно светлой. Чем ближе они подходили к берегу, тем отчётливее проступала белая дорога, и Варя пошла медленнее.

— Днём я думала, вы преувеличиваете, — сказала Варя. — А она вон какая.

— Во время шторма вода так же выровнялась. Только света тогда не было.

Мирослава вдруг вспомнила псковскую дверь. Тогда они с братом тоже видели одно и то же и всё равно не могли объяснить, куда попали. Она не стала говорить, что дорога ведёт туда же. Для этого у неё не было ничего, кроме внезапно вернувшегося страха.

Варя остановилась и перехватила края кофты.

— И ты тогда мне не рассказала?

— Не знала, как.

— Могла просто сказать.

Мирослава прибавила шагу, но Варя не отстала и тронула её за локоть.

— Понятно.

— Что тебе понятно?

— Я всё ещё та девочка, которой можно рассказывать только про пироги и чужие сапоги.

— Не начинай.

— Не буду.

Когда они вышли к воде, Мирон уже стоял на уцелевшем настиле у старых свай. Он был босой, в одной рубашке, с растрёпанными после сна волосами, и так долго оставался неподвижным, что Мирославе стало не по себе.

— Совсем с ума сошёл, — пробормотала Мирослава и хотела к нему идти, но Варя схватила её за руку.

— Подожди.

— Чего?

— Посмотри.

Белая дорога теперь начиналась у самых ног Мирона. Утром она остановилась возле дальних свай, а сейчас дошла до уцелевших досок у берега.

— Мирон! — крикнула Мирослава.

Он не обернулся.

— Мирон! — Она позвала брата ещё раз.

Но Варя отпустила уже её руку и пошла вперёд.

— Стой! — прошептала Мирослава.

Варя не послушала.

— Мирон.

На её голос он повернул голову.

— Ты зачем пришла?

— Хотела спросить то же самое.

— Иди домой.

— Сначала ты.

Он снова повернулся к воде.

— Она появилась у окна.

— Я видела.

— Нет. Ты не понимаешь.

— Тогда объясни.

Мирон сошёл с настила, и Варю встревожило спокойствие его лица. Он не боялся, хотя стоял у воды, от которой ей хотелось оттащить его как можно дальше.

— Я проснулся до того, как появилась дорога, — сказал он.

Мирослава подошла ближе.

— Почему?

— Кто-то позвал.

— Кто?

— Не знаю.

— Голос?

Мирон покачал головой.

— Не голос.

Варя прижала края кофты к груди.

— А что тогда?

Мирон прижал ладонь к груди.

— Здесь почувствовал.

Мирослава уловила в лице брата непривычную серьёзность.

— Что именно ты почувствовал?

— Что должен выйти.

— И ты просто пошёл?

— Да.

— После всего, что было?

— Именно поэтому.

— Мирон, ты совсем…

— Тише.

Мирон жестом попросил её замолчать. С озера донёсся глухой удар, а вскоре повторился уже ближе. Так стучала лодка, когда волна прижимала её к свае.

Варя насторожилась, прислушиваясь к звукам у старого причала.

— Лодка?

Мирон покачал головой, потому что лодки на воде не было. Звук повторился совсем близко и оборвался. Белая дорога дрогнула, и по светлой полосе к берегу побежала рябь, хотя вода по обе стороны от неё оставалась неподвижной.

Мирослава сделала два шага назад, а Варя осталась рядом с Мироном. Под настилом тихо шевельнулась вода, и на мокрых досках проступил след босой ноги. Мирон присел, чтобы рассмотреть его поближе.

— Не трогай! — вырвалось у Мирославы.

Рядом с первым следом появился второй, затем третий. Следы тянулись от самой кромки по настилу прямо к ним. Кто-то невидимый поднимался из озера.

— Назад, — сказала Мирослава.

Мирон попятился, и Варя впервые заметила страх в его глазах. Она крепко ухватила его за руку. Последний след проступил совсем близко. Вода на досках задрожала, медленно растеклась, и в тот же миг белая дорога исчезла, оставив берег во тьме. Варя так и не разжала пальцев.

— Уходим, — сказала Варя.

Почувствовав, что Варя пытается высвободить руку, Мирон бережно удержал её. Мирослава, делая вид, что ничего не заметила, первой направилась к дому. Мирон и Варя последовали за ней.

На полпути Мирон всё же обернулся к озеру, уже спокойному и ничем не выдававшему случившегося.

— Что? — спросила Варя.

— Ничего.

Но её руку он так и не отпустил.

Тихон ждал их на крыльце. Над дверью горел фонарь, освещая ступени и его напряжённое лицо.

— Где были?

По лицу отца Мирослава сразу поняла, что он знает ответ.

— У озера.

— Я же сказал никому не ходить.

— Это Мирону скажи.

Тихон заметил, что сын стоит босиком, и насторожился.

— Обувь дома закончилась?

Только теперь Мирон заметил, что стоит перед отцом босиком. Варя первой не сдержала нервного смеха, за ней рассмеялась Мирослава, а Мирон неловко переступил с ноги на ногу.

— Не успел.

— Зато к озеру успел.

Тихон распахнул дверь.

— Заходите.

— Подожди, — остановил его Мирон.

Тихон обернулся.

— Сегодня утром белая дорога не дошла до Елисея.

— Знаю.

— А ночью дошла до меня.

Лицо Тихона сразу стало серьёзным.

— До тебя?

— До самого настила.

— Велимир был?

— Нет.

Мирон ощутил, как промокшая рубашка неприятно холодит тело, и его пробрала дрожь с головы до ног.

— Но кто-то вышел из воды.

— Кто?

— Мы его не видели.

Мирослава вмешалась в разговор.

— На мокрых досках появлялись босые следы, один за другим.

Тихон резко повернулся к дочери.

— До вас дошли?

— Остановились рядом, — ответила Мирослава.

Он выдохнул.

— Хорошо, что вы ушли.

Мирон не отводил глаз от отца.

— Ты знаешь, что это было?

— Знаю только, что люди о таком рассказывали.

— Тогда расскажи и нам.

Тихон оглядел всех троих, затем заметил Киру у приоткрытого окна второго этажа. Она курила, не пропуская ничего из происходящего на крыльце. По выражению её лица было ясно, что разговор она слышала.

— Все в дом, — скомандовал Тихон.

На этот раз никто не спорил. Мирон ступил на первую ступеньку, и Варя осторожно потянулась вперёд. Только тогда оба обнаружили, что всё ещё держатся за руки. Мирон отпустил её, пропуская к двери, а сам задержался на крыльце. Кира по-прежнему стояла у окна второго этажа и наблюдала за ними.

Тихон зажёг свет, закрыл дверь и задёрнул занавеску. Кира уже спускалась по лестнице в наскоро запахнутом халате, придерживая кое-как собранные волосы. Тихон преградил ей путь и указал на тлеющую сигарету.

— В доме не курят.

Кира, вопреки своей привычке отшучиваться, молча затушила сигарету в банке за дверью. Её внимание привлёк мокрый песок на босых ногах Мирона, а следом появилась растрёпанная Варя с накинутой на плечи кофтой. Кира посторонилась, пропуская её в комнату, но ни о чём не спросила.

— Садитесь, — сказал Тихон.

Мирон остался стоять.

— Я постою.

— Сядь, я говорю.

— Отец, не тяни.

— Тогда и ты не перебивай.

Мирон сел, Мирослава устроилась напротив, а Варя выбрала место у края стола, подальше от Мирона. Кира придвинула к себе оставленное кем-то блюдце, продолжая следить за ними. Тихон занял место во главе стола.

— Про белую дорогу я слышал от отца, — начал Тихон. — Он говорил, что её видели здесь и раньше.

— Почему ты нам не рассказывал? — спросил Мирон.

— Сам не видел, потому и думал, старые сказки.

— До шторма, — напомнила Мирослава.

— До шторма.

Тихон смахнул со стола незаметную крошку, хотя тот и без того был чист.

— В одном рассказе после дороги на берегу оставались мокрые следы. Человека никто не видел, а следы были.

— Как сегодня, — сказала Варя.

— Похоже. Поэтому я и испугался.

— А потом?

— На этом рассказ и кончался.

Мирон откинулся на спинку стула.

— Значит, кто-то вышел из воды?

— Мы видели только следы, — сказала Мирослава. — Дальше пока не знаем.

Тихон коротко склонил голову.

— Вот этого и будем держаться. И к воде по одному больше не ходить.

Кира поправила пояс халата и впервые решилась вступить в разговор

— И вы всерьёз сейчас обсуждаете следы человека, который вышел из озера?

Мирослава повернулась к ней.

— Мы не видели человека. Мы видели втроем следы.

— Ночью, после того как весь день обсуждали белую дорогу и какого-то Велимира.

— О дороге я знала только со слов других, — сказала Варя. — Но следы мы видели сами.

Кира быстро взглянула на неё.

— Ну, конечно. А то как же.

Мирон подался через стол к Кире.

— Не надо, не начинай, Кира.

— Я ещё ничего не сказала. Что не надо?

— Именно. Ты прекрасно умеешь обходиться без слов.

— Хватит, — вмешался Тихон, прерывая спор.— Ваши отношения подождут. Сейчас нас другое волнует.

— А почему это я должна молчать? — возмутилась Кира. —Я вообще не понимаю, зачем здесь сижу. Мирон ночью ушёл к озеру, Варя побежала следом, а мне теперь надо поверить, что они случайно встретились? Или тоже слушать про белую дорогу и делать вид, что ничего не замечаю?

Варя поднялась и уже направилась к выходу.

— Я могу уйти.

— Сядь, — сказал Тихон.

Варя нехотя вернулась на место. Мирон не сводил глаз с Киры.

— Ты действительно хочешь сейчас устроить сцену?

— Нет. Я хочу понять, что происходит.

— Тогда выслушай нас. Варя не придумывала повода со мной встретиться. Я сам ушёл, никому ничего не сказав.

— Даже мне. Я проснулась, а тебя нет. Потом из окна увидела, как вы возвращаетесь, держась за руки. И что я должна была подумать?

Мирослава напряглась.

— Он стоял у самой воды, — сказала Мирослава. — Мы за ним пошли.

— Я это уже слышала.

Кира встала.

— Мне утром в Псков.

Мирон резко поднял голову.

— Ты же собиралась в воскресенье.

— Передумала. Уеду раньше.

За столом воцарилась тишина. Прежде Мирон после таких слов забыл бы о любом споре и принялся уговаривать Киру остаться. Теперь же он не попытался ни оправдаться, ни приблизиться к ней.

— Хорошо. Доброй ночи, Кира.

Кира явно ожидала другого.

— Хорошо?

— Я не стану тебя удерживать. Только не знаю, зачем мы опять решаем всё так, среди ночи и при всех.

— Ты хотя бы мог спросить, почему я уезжаю раньше, — прокричала Кира.

Все вокруг опешили.

— Я знаю почему.

— Правда?

— Думаю, ты хочешь, чтобы я снова стал уговаривать. А я устал ждать, когда эти приезды станут нашей жизнью. Мне нужны не пять дней, Кира.

Растерянность на мгновение вытеснила злость с её лица.

— Ты никогда со мной так не разговаривал.

— А сейчас из твоих слов выходит, что все здесь нарочно хотят тебя обмануть.

Кира прищурилась.

— Все? Или только Варя? Ты с дороги её защищаешь. Может, вы с сестрой давно решили, кто тебе больше подходит?

Мирослава с Варей переглянулись, но не стали ввязываться в разговор.

Мирон громко отодвинул стул, с трудом сдерживая раздражение.

— Оставь их в покое. Я сам с тобой сейчас говорю.

— А ты сам слышишь, что здесь происходит?

Она указала на окно.

— Вы сидите ночью за столом и обсуждаете человека, который выходит из воды, какие-то следы и дороги. И никого не смущает, насколько безумно всё это звучит.

— Смущает, — ответила Мирослава. — Постоянно.

Кира не ожидала такой прямоты.

— И всё равно ты осталась здесь, хотя могла жить в Пскове.

— Осталась. Это мой выбор. Но мы сейчас о вас с Мироном говорим.

— У вас всё так просто. Семья, дом, озеро. Кто не согласен, тот ничего не понимает.

Мирослава спокойно выдержала её обвинение.

— Я этого не говорила.

Кира обратилась к Мирону.

— Я всё это время пыталась понять, смогу ли жить здесь ради тебя. А сегодня поняла, что неправильно ставила вопрос.

— А как правильно?

— Смогу ли я стать такой, как вы.

— Я никогда тебя об этом не просил, — возразил Мирон.

— Просил. Каждый раз, когда говорил о переезде.

— Нет. Я просил тебя быть рядом. Хотел, чтобы мы жили одной семьёй.

— Здесь это одно и то же.

Мирон собирался ответить, но Тихон опередил его.

— Нет.

Кира растерялась. Возражения от Тихона она явно не ожидала.

— Тебя здесь встречали как родного человека. Верить всему, что мы говорим, ты не обязана. Но и обвинять нас во лжи только потому, что сама ничего не видела, не надо.

— Но жить мне всё равно придётся по вашим правилам.

— По каким?

Кира указала в сторону озера.

— Хотя бы верить во всё это.

— Не придётся.

— А если я скажу, что никаких следов не было?

— Скажи.

— Что белая дорога всего лишь отражение?

— Твое право.

— Что Велимир существует только в ваших семейных рассказах?

— И это твоё право.

Кира смутилась, не находя, что ответить, а Тихон продолжил.

— Но если трое людей говорят, что видели одни и те же следы, я сначала выслушаю их, а потом уже решу, чему верить.

Мирослава не удержалась от улыбки, но отец тут же осадил её.

— И ты не радуйся. Тебя это тоже касается.

— Я просто сижу и молчу, пап.

— Вот и сиди.

Варя едва сдержала смешок, и за столом стало немного веселее.

Но тут в дверь трижды резко постучали. Разговор оборвался, и Кира первой откликнулась на стук.

— Кого ещё принесло среди ночи?

Тихон поднялся, и стук повторился трижды. Мирослава вспомнила то утро, когда кто-то так же постучал в калитку, а отец велел им остаться в доме и вышел один. Она взглянула на Мирона. Брат уже смотрел на дверь.

— Отец.

Тихон жестом попросил молчать, подошёл к двери.

— Кто?

Не дождавшись ответа, Тихон открыл дверь и увидел на пороге Елисея в инвалидном кресле.

— Ты совсем рехнулся?

Елисей поднял на него глаза.

— Возможно.

— Где Дарина?

— Спит.

— А ты каким образом сюда добрался?

— На колёсах. Удивительное изобретение.

Мирослава вскочила.

— Ты один ехал через весь хутор ночью?

— Началось.

— Я тебя завтра привяжу к кровати.

— Вот поэтому я и приехал сегодня.

Мирон подошёл.

— Что случилось?

Елисей перестал улыбаться.

— Я снова видел дорогу.

Тихон медленно закрыл дверь.

— Где?

— Из окна. Она шла к вашему берегу.

— Мы знаем, — сказал Мирон.

Елисей въехал в комнату, и Мирослава подошла ближе.

— Тогда вы не знаете главного.

— Что именно?

— После того как дорога исчезла, я уснул и увидел озеро.

Кира устало прикрыла глаза.

— Ещё и сон.

Елисей поднял на неё глаза.

— Я тоже был бы рад над этим потешиться.

На этот раз ни у кого даже не дрогнули губы.

— Во сне я стоял на своих ногах. Дарина была рядом. Я видел дом Тихона, старый причал и человека на воде.

— Велимира? — спросил Мирон.

— Не знаю.

— Что он делал?

Елисей опустил глаза к своим ногам.

— Ждал меня.

Тихон сдвинул кружку, освобождая место перед собой.

— Что ещё?

— Повторил утренние слова про дорогу, которая дана не ногам. Я проснулся и всё твердил их.

Елисей поднял глаза.

— Сначала я решил, что это просто сон. А потом услышал воду. Хотя окно было закрыто.

— Ветер? — спросила Мирослава.

— Ветра не было. Я слышал плеск у самого окна, как возле качающейся лодки.

Тихон помедлил.

— Отец передавал рассказ Саввы о человеке, который тоже слышал у этого берега то, чего не слышали другие.

— Он не мог ходить?

— Мог. Про ноги там ничего не было.

— А что было?

— Он искал дорогу через озеро. Всё возвращался к одному месту.

— И нашёл?

— Судя по рассказу, который дошёл до меня, так и не нашёл.

Елисей отпустил обод колеса.

— Значит, это не только со мной.

— Мы ещё не знаем, что именно с тобой, — сказала Мирослава.

Снаружи ветер тронул ставню. Елисей развернул кресло к окну, а Мирон встал рядом. Какое-то время оба прислушивались к ночным шорохам, прежде чем Елисей решился нарушить тишину.

— Завтра отвезите меня туда.

— Нет, — сразу ответил Тихон.

Елисей не ожидал столь категоричного отказа.

— Я больше года смотрю на собственные ноги и жду, что однажды они снова начнут меня слушаться.

Он стиснул зубы, сдерживая раздражение. Разговор опять сводился к его ногам, хотя начался с человека, который искал дорогу через озеро.

— Но вопросы у меня появились раньше, чем это кресло. Я не перестану искать ответы только потому, что теперь не могу сам дойти до берега.

Тихон промолчал, и Елисей, не дождавшись ответа, продолжил.

— Поэтому завтра я поеду к воде.

— А если я запрещу?

Елисей упрямо вскинул подбородок.

— Тогда вам придётся спрятать моё кресло.

Мирослава поспешила преградить ему путь к двери.

— Не подсказывай.

— Даже не думай.

После напряженного ночного разговора смех прозвучал неожиданно, немного нервно, но рассмеялись почти все.

Тихон остался серьёзен. До него дошли лишь обрывки рассказов Саввы, переданные отцом, и он не мог поручиться даже за то, что Елисей слышит те же звуки. Самого Елисея эта скудость сведений, казалось, лишь подстёгивала.

* * *

Утром Елисей проснулся и привычно потянулся к креслу. Оно стояло у кровати. На подлокотнике лежала его куртка.

Дарина появилась в дверях с чашкой в руках.

— Доброе утро.

— Сердишься?

— Да. Ты ушёл ночью и не разбудил меня.

Елисей опустил глаза.

— Не хотел тревожить.

— А пустая кровать меня, конечно, успокоила.

Елисей промолчал. Возразить Дарине было нечего. Дарина поставила чашку.

— Я не стану прятать твоё кресло. Но если мы едем к воде вместе, мне нужно знать, что ты туда не полезешь.

Он уже собирался отшутиться, но увидел её лицо.

— Не полезу.

— Даже если Велимир позовет?

— Тем более тогда.

Дарина села рядом.

— Я не хочу снова стоять на берегу и ждать, пока тебя вытаскивают из воды.

Елисей откинулся на подушки. Он услышал перемену в её голосе. Шутка, уже готовая сорваться с языка, осталась невысказанной. Елисей взял её за руку.

— Я не полезу в озеро.

* * *

К озеру отправились после полудня, предварительно пообещав Тихону, что никто не станет заходить в воду.

Лука уже собирался что-то сказать.

— Особенно ты, — предупредил Тихон, опередив его.

— Да я и не собирался! — возмутился Лука и поспешил укрыться за спиной Мирона.

Перед выходом Мирослава проверила колёса, тормоза и подножки, после чего Елисей выехал за калитку. За ним шли Тихон, Мирон, Варя, Дарина, Лука и Мирослава. Кира тоже присоединилась к ним. Утренний автобус ушёл без неё, и Мирон, видевший его из окна, не стал спрашивать, почему она осталась.

Сама Кира ничего не объяснила.

Теперь она шла немного в стороне от остальных и, вопреки обыкновению, не курила. Пару раз она собиралась достать сигареты, но передумывала. Мирон заметил это, однако расспрашивать не стал.

У старого спуска Елисей остановил кресло.

— Дальше я сам.

Мирон оценил песчаную дорожку.

— Увязнешь.

— Вот тогда и поможешь.

Через несколько метров колёса действительно застряли в песке. Елисей позволил Мирону взяться за спинку кресла, и дальше они добрались уже без препирательств.

Озеро встретило их мелкой волной, прохладой и криками чаек над дальними лодками. Елисей всматривался в знакомый берег, стараясь отыскать хоть что-нибудь, что напоминало бы о белой дороге, но сегодня озеро ничем не выдавало своей тайны.

Елисей остановился напротив старых свай, и все молча приготовились ждать.

Прошло десять минут, потом ещё двадцать. Лука устроился на песке, Мирослава достала термос, а Тихон не отходил от воды. Когда Варя приблизилась к берегу, Мирон задержался рядом. Ветер трепал подол её юбки и выбившиеся из причёски пряди, которые она то и дело убирала с лица.

Кира заметила, как он замедлил шаг возле Вари, и достала сигарету. Повертев её немного, убрала обратно. Мирон отвернулся, хотя уже понимал, что скрыть свою невольную заботу ему не удалось.

— Елисей.

Голос Дарины заставил всех обернуться.

Он сидел совершенно неподвижно и вглядывался в старые сваи.

— Что там? — спросила она.

Елисей попросил всех помолчать. Тихон приблизился, а Лука, собиравшийся что-то сказать, осёкся после предупреждающего знака Мирославы.

— Что ты видишь? — спросил Тихон.

— Лодку.

Все устремили внимание к озеру, но водная гладь оставалась пустынной.

— Где? — спросил Мирон.

— Прямо напротив нас.

— Я ничего не вижу.

— Я тоже, — сказала Варя.

Елисей подался вперёд.

— Она стоит поперёк.

Дарина внимательно всмотрелась в его лицо.

— Елисей, там пусто.

— Нет.

Он говорил совершенно уверенно.

— Старая лодка с разбитым носом.

Тихон побледнел.

— Кто в ней?

Елисей прищурился.

— Никого. Нет. Там я.

Он схватился за обод колеса, и выражение его лица изменилось. Мирослава сразу присела перед ним.

— Елисей, посмотри на меня.

Елисей не отозвался и лишь крепче сжал обод.

— Там я.

Дарина замерла.

— Что?

— Я стою в лодке.

Елисей продолжал смотреть туда, где остальные видели только воду.

— Только…

Он замолчал.

— Что? — спросила Мирослава.

Елисей опустил глаза на повреждённую ногу, затем на озеро.

— Я там стою.

Дарина крепко ухватила его за плечо.

— Ну всё, довольно. Уезжаем.

Впервые за всё это время она повысила на него голос. Увидев, как побледнело её лицо, Елисей не стал возражать.

— Хорошо.

Дарина уже собиралась откатить кресло от берега, когда оно вдруг подалось к воде. Колёса успели провернуться, прежде чем Мирон удержал его за спинку.

— Ты это сделал?

— Нет.

Елисей отнял руки от колёс, показывая, что не пытается двигаться самостоятельно. Кресло снова рванулось к озеру.

Дарина вскрикнула. Мирон навалился на спинку всем весом, Лука бросился помогать ему сбоку, а Мирослава поспешно защёлкнула тормоза. Кресло замерло, однако почти сразу по мокрому песку вновь потянулись две борозды.

Тихон шагнул вперёд, заслонив Елисею озеро.

— Смотри на меня.

Но Елисей продолжал всматриваться в воду.

— Елисей!

Тихон резко стукнул по подлокотнику.

— На меня смотри!

Елисей вздрогнул, наконец встретился с ним глазами, и кресло перестало двигаться.

Мирослава проверила тормоза.

— Исправны.

Лука присел возле борозд, оставшихся в песке.

— Тогда как оно двигалось?

Ответить ему никто не успел. Елисей внезапно вцепился в край сиденья.

— Подождите.

Он наклонился, стараясь рассмотреть повреждённую ступню.

— Мне показалось…

Мирослава тут же оказалась рядом.

— Что именно?

— Большой палец. Я его почувствовал.

Мирослава опустилась на колени перед креслом. Дарина прикрыла рот, боясь даже заговорить.

— Попробуй пошевелить, — попросила Мирослава.

Елисей напрягся. На лице обозначились глубокие складки, однако ступня оставалась неподвижной.

— Давай, — тихо произнесла Дарина.

Он попытался снова, стиснув зубы от напряжения, но желанного движения не последовало.

— Ещё раз, — попросила Мирослава.

— Хватит.

— Елисей…

— Хватит!

Он с силой ударил по колесу и отвернулся.

— Показалось.

Мирослава не стала спорить. Тихон ещё раз всмотрелся в то место, где Елисей видел лодку. Озеро выглядело совершенно обычным, и от этого ему ещё сильнее хотелось увести всех подальше от берега.

Обратно шли медленнее, почти не разговаривая. Мирон вёз Елисея, а Дарина держалась рядом, изредка касаясь его плеча. Когда Мирослава в третий раз заговорила о ноге, Елисей не выдержал.

— Не надо. Перестань меня всё время подбадривать. Я ценю всё, что ты делаешь. Просто дай мне немного времени.

Мирослава больше не настаивала.

Тихон шёл последним. У самой развилки он задержался и оглянулся на озеро. Под солнцем вода блестела спокойно и безмятежно, и после всего, что произошло на берегу, это привычное спокойствие тревожило его сильнее любого необычного явления.

— Отец! — позвала Мирослава.

Он догнал остальных.

— Ты что-то вспомнил.

— С чего ты взяла? Мне уже задуматься нельзя? Сразу начинаете допрашивать.

— По лицу вижу.

Мирон усмехнулся.

— Вот теперь понимаешь, откуда у нас эта привычка?

— Оба замолчали, — распорядился Тихон.

Но Мирослава не собиралась отступать.

— Ты вспомнил ту историю. Я вижу, как ты опять подбираешь слова, чтобы не сказать лишнего.

Елисей насторожился.

— Какую?

Тихон замедлил шаг, но Мирослава уже отвечала.

— Про человека, который слышал у озера то, чего не слышали другие.

— Продолжай, Мирослава, — потребовал Елисей.

— Я знаю только то, что отец рассказал ночью.

Тихон негромко выругался, поняв, что разговор теперь не остановить. Лука тут же пристроился рядом.

— Вот теперь семейное собрание точно состоится.

— С тобой никакая тайна долго не проживёт, — заметил Тихон.

— А я разве виноват, что у нас все новости сами меня находят?

Варя рассмеялась.

— От кого?

— От сорок.

С яблони у дороги донёсся знакомый стрекот, и Лука торжествующе вскинул подбородок.

— Видите? Уже докладывают!

Даже Елисей не удержался от улыбки, но вскоре вновь заговорил с Тихоном.

— Вечером ты расскажешь всё, что помнишь.

— Я тебе ничего не обещал.

— Тогда буду сидеть у тебя за столом до утра.

— Сиди.

— И ждать.

Тихон поравнялся с креслом и наконец уступил.

— Ладно, вечером. От вас всё равно покоя не будет.

— Вот. Сразу бы так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.